

Ер. IV. 1). Не оставляет он без внимания и состояние латинского языка, сетуя на его ломку под влиянием варварских говоров (Sid. Ер. V. 5).

Таким образом, исходя из данных писем Сидония Аполлинария, можно заключить, что лично для него образованность и, что самое главное, литературная деятельность представлялись наиболее важными доминантами в позднеантичной культуре. Можно даже предположить, что именно это для него служило тем критерием, который отделял «настоящего римлянина» от «варвара», т. е. акцент был сделан не по принципу реального происхождения, но по культурно-образовательному принципу. Однако данный вопрос по-прежнему открыт и предполагает дополнительные исследования по данной тематике.

А. В. ХОРОШЕВА (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Н. Н. СТРАХОВ — «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЗГНАННИК»

Николай Николаевич Страхов (1828–1896) родился в Белгороде, в семье протоиерея, преподававшего в семинарии. Он сам первоначально пошёл по отцовскому пути, окончив данное учебное заведение, но затем отправился в Санкт-Петербург и поступил на математический факультет Петербургского университета. Религиозность и тяга к изучению естествознания создали особое мировоззрение, благодаря которому он вписал свою страницу в историю русской философии и публицистики. И хотя обычно его называют почвенником, внимательный исследователь его творчества увидит, что его система представлений выходит за рамки этого направления, а также то, что его нельзя отнести ни к идеалистам, ни к материалистам.

Однако вернёмся к его биографии. Из университета Страхов перевёлся на естественно-математическое отделение Главного педагогического института, защитил магистерскую диссертацию по зоологии «О костях запястья млекопитающих» в 1867 г. Не имея состояния, Страхову приходилось заниматься переводами, что ему великолепно удавалось. Так он сблизился с издательской средой, что, в конечном счете, и определило его дальнейший жизненный путь. Познакомившись в 1861 г. с Ф. М. Достоевским, он стал активным участником журналов «Время» (1862–1863) и «Эпоха» (1864–1865) братьев Достоевских. В дальнейшем Страхов сотрудничал в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Заря», отдельные его статьи были опубликованы и в других периодических изданиях. В журнале «Время» под псевдонимом Н. Косица он опубликовал ряд разгромных статей о Чернышевском и Писареве. Там же под псевдонимом «Русский» опубликовал статью «Роковой вопрос» о польском вопросе, но его манера изложения сыграла с ним злую шутку. Он любил сначала как бы сочувственно рассказать о вопросе, который собирался критиковать, и только в конце его развенчать. Катков, ознакомившись с первой частью, настоял на запрещении журнала. Он был возрождён уже под новым названием — «Эпоха», но собрать всех своих старых подписчиков не смог. Столь же печальной была судьба и ещё одного журнала, где Страхов выступал одним из организаторов и редакторов — «Зари» (1869–1872). Журнал имел чуть более двух тысяч подписчиков, что было средним показателем для того времени. С другой стороны, те немногие, что у него были, читали, скорее всего, с интересом, а главное — внимательно. Но и тут была пробле-

ма: судя по жалобам Ф. М. Достоевского, журнал выходил нерегулярно. Его издателем и главным редактором был В. В. Кашпирев. Несмотря на то что в этом учёно-литерном и политическом журнале издавались именитые авторы, «Заре» не была суждена долгая жизнь.

В обществе Страхов был известен преимущественно как публицист. Но им был написан и ряд философских работ: «Письма об органической жизни» (1859), «Мир как целое» (1872), «Опыт систематического изложения начальных оснований философии» (1888). С 1873 по 1885 г. он работал библиотекарем Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, с 1874 г. до смерти был членом Учёного комитета Министерства народного просвещения, в 1890 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук. По его словам, самым счастливым периодом его жизни были 1880–1890-е гг., когда он, убеждённый холостяк, жил умственными интересами, окружённый огромной библиотекой. В этот период он сблизился с Л. Н. Толстым, о котором написал ряд статей. Но главной работой его жизни стала «Борьба с Западом в русской литературе» (1882). Он критиковал Запад за его рационализм, противопоставляя ему самобытность русской культуры. Он стал главным помощником Н. Я. Данилевского в издании его знаменитого труда «Россия и Европа». Неизвестно, вспомнили бы о нём, если бы не старания Страхова, который был не только сторонником теории культурно-исторических типа, но и активным пропагандистом идей Данилевского. В частности, у него вышла целая серия статей, защищавших теорию от нападок Вл. Соловьёва.

Страхов был не только публицистом, но и философом. Самые известные его работы — «Мир как целое» (1872), «О вечных истинах» (1887), «Философские очерки» (1895). Высшей формой познания он считал религию, поэтому он критиковал и материализм, и идеализм, полагая, что их приверженцы впадают в крайности. Для него узлом мироздания был человек, который соединял в себе духовную и вещественную сторону бытия. На основе этого Страхов пытался построить рациональную систему естествознания на основе веры в Бога. По его мнению, мир — это нечто целое, связанное в различных направлениях, а значит, он не может распадаться на отдельные сущности. Истинная сущность вещей связана с воплощением в них «духа». Нет единого начала ни в материальном, ни в идеальном, оно выше их, вне их, в Боге. Эти размышления приводили его ещё к одному интересному выводу. Поскольку современное ему человечество ищет истину в «бытии», это порождает преклонение перед научными достижениями и веру во всемогущество человеческого разума, «просвещенство», как он это называл. И действительно, мир конца XIX века стремительно менялся, будоража сознание человека, то, что раньше казалось фантастикой, становилось реальностью, например, новые средства передвижения, возможности электричества и т. п. Фактически он опередил свое время, предостерегая от опасности для человека чувствовать себя умнее Бога, то, к чему придёт философия уже после Первой мировой войны, породившей «потерянное поколение».

То, что Страхова невозможно отнести ни к одному «философскому» лагерю, привело к тому, что он не был принят и не стал своим, что сделало его «литературным изгнанником», так его назвал В. В. Розанов. Однако, оценивая его заслуги перед русской культурой и философией, невозможно отрицать значимость его творчества.